

Вестник

Российского
гуманитарного
научного
фонда

БЮЛЛЕТЕНЬ

Издаётся с 1995 года
Выходит 4 раза в год

2014

4 (77)

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА И ЗАДАЧИ РГНФ

- Фридлянов В.Н. Грантовая поддержка гуманитарной науки в России: к 20-летию РГНФ... 5
Уколова В.И. РГНФ и исторические науки: прошлое, настоящее, будущее... 16

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РГНФ

Исторические науки

- Лукин П.В. Ганзейские источники и социально-политическая история средневекового Новгорода... 22
Смирнова Т.Б. Этнографическое изучение немецкой диаспоры в Сибири... 31

Экономика

- Бухвальд Е.М., Виленский А.В. Способен ли малый бизнес преодолеть антиинновационный характер российской экономики?... 43

Философия. Социология. Политология. Правоведение

- Звягинцев А.Г. Когда закон попирается... 55
Розин В.М. Управление в российских условиях... 72

Филология. Искусствоведение

- Лукин В.А. Роль текста в научном исследовании... 81
Токарева М.С. Философский и художественный синтез в творчестве С.Спенсера. В поисках алгоритма счастья... 96

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

- Марцинковская Т.Д. Психология субкультуры... 114
Заславская О.В., Сальникова О.Е. Одарённые дети из семей «группы риска» как объект социально-педагогической поддержки... 124

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Синицын А.А. Костёнки в контексте проблемы формирования верхнего палеолита и распространения человека современного физического облика... 134
Неклюдов С.Ю., Грунтов И.А., Соловьёва А.А. Фольклорно-лингвистическая экспедиция во Внутреннюю Монголию... 149

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

- Шуньков М.В. Международный симпозиум «Культурная динамика в палеолите Евразии и формирование человека современного физического вида» (Научно-исследовательский стационар «Денисова пещера», Горный Алтай, 1–7 июля 2014 г.)... 156
Виротайнен М.Н., Москвин Г.В. Международная научная конференция, посвящённая 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова «М.Ю.Лермонтов: 200 лет в русской культуре» (Москва, 6–8 октября; Санкт-Петербург, 9–11 октября 2014 г.)... 161

Грязнова В.М. Научная конференция «Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности» (п. Новокумский, Ставропольский край, 19–22 сентября 2014 г.)	174
--	-----

МИР КНИГИ РГНФ

Костючук Л.Я. — Постников А.Б. Древлехранилище Псковского музея. Обзорение русских рукописных документов XVI–XVIII вв. М.: Бук-сМАрт, 2013. — 976 с.: ил.	180
Косик В.И. — Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М., 2013. — 310 с.	185
Попова И.Ф., Солонин К.В. — «Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.) / Изд. текста, пер. с тангутского, введ. и коммент. Е.И.Кычанова; Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука — Восточная литература, 2013. — 501 с. — (Памятники письменности Востока; СХЛ / осн. в 1965 г.; Редкол.: А.Б.Куделин (пред.) и др.)	191
Ильин М.В., Панов П.В., Соловьёв А.И., Попова О.В., Малинова О.Ю. Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В.Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013. — 525 с. — (Политология России)	196
Бусева-Давыдова И.Л. — Слюнькова И.Н. Проекты оформления коронационных торжеств в России XIX века. М.: БуксМАрт, 2013. — 440 с.: ил.	202
Королёва Э.В. — Родникова И.С. Художественное серебро XVI–XIX века из собрания Псковского музея-заповедника. М.: БуксМАрт; Псковский музей-заповедник, 2013. — 592 с.: ил.	210
Левашев Е.М. — Науменко Т.И. Текстология музыкальной науки. М.: Памятники исторической мысли, 2013. — 584 с.	214

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

К 20-летию Российского гуманитарного научного фонда	221
Решение совета РГНФ от 2 октября 2014 г.	228

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Укрепление сотрудничества с научными фондами Франции	232
Издания РГНФ на Франкфуртской книжной ярмарке	236
Визит делегации Фонда в КНДР	239
Встреча с делегацией молодых представителей научных кругов стран СНГ и Европы	243

Перечень статей, опубликованных в «Вестнике РГНФ» в 2014 г.	244
---	-----

Памятка автору «Вестника РГНФ»	252
--	-----

Contents	254
--------------------	-----

А.А.Синицын*

Костёнки в контексте проблемы формирования верхнего палеолита и распространения человека современного физического облика

Проблема появления в Европе человека современного физического типа (*Homo sapiens sapiens*) и напрямую связанная с ней проблема распространения верхнепалеолитического технокомплекса долгое время остаются самыми интенсивно обсуждаемыми в первобытной археологии как по объёму публикаций, так и по числу участников.

В самом общем виде ситуация определяется повсеместным распространением на континенте до 40 тыс. лет Неандертальского человека (*Homo sapiens neanderthalensis*) и среднепалеолитических вариантов материальной культуры и резкой их сменой современным человеком и верхнепалеолитическим кругом культур ок. 36–40 тыс. лет, с возможным сосуществованием до 5 тыс. лет [13]. Современные данные археологии, естественно-научных дисциплин, антропологии, палеогенетики свидетельствуют об африканском происхождении современного человека ок. 200 тыс. лет назад [15] и постепенном его распространении в Старом Свете в течение 70–40 тыс. лет [11]. Значение Европейского континента в реконструкции этого процесса определяется, в первую очередь, обеспеченностью фактическим материалом: наряду с Ближним Востоком — несравнимо бóльшим, чем на других территориях Евразии. По этой же причине Восточная Европа в общеевропейском контексте и в рамках обсуждаемой проблемы имеет несравнимо меньшее значение, чем Западная, Центральная и Средиземноморье. Тем не менее, в последнее десятилетие значение восточноевропейских материалов увеличивается благодаря новым археологическим и аналитическим данным.

Современные представления о времени и путях распространения современного человека и верхнепалеолитического технокомплекса наглядно демонстрирует карта (рис. 1), показывающая их постепенное продвижение с юго-востока Европы в западном, северном и восточном направлениях.

* **Синицын Андрей Александрович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН, руководитель проекта «Экспедиция по изучению памятников древнейшего этапа верхнего палеолита Восточной Европы. Раскопки ст. Костёнки 14 (Маркина гора)» (14-01-18097е).

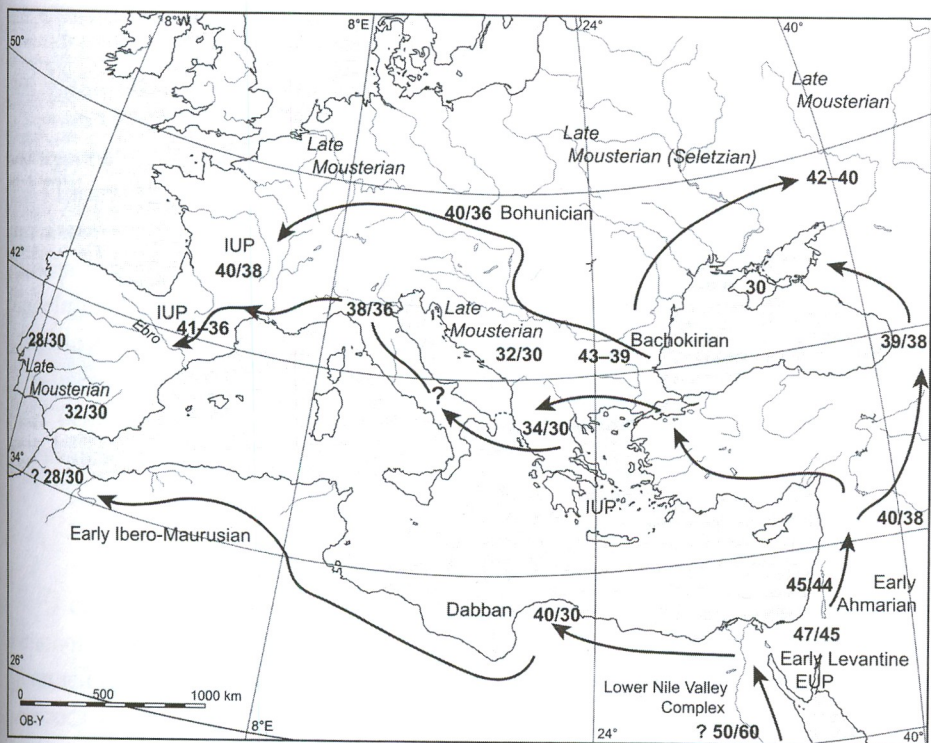

Рис. 1. Пути и время распространения человека современного типа и верхнепалеолитического технокомплекса в Европе и Северной Африке [11]

Важно отменить, что восточноевропейское направление миграции и его хронология основываются на данных небольшой по территории группы палеолитических стоянок в районе села Костёнки Хохольского района Воронежской области.

Костёнковская группа

Костёнковская группа палеолитических памятников на настоящий момент насчитывает 21 стоянку на территории Костенок и 5 — на территории соседнего села Борщёво (рис. 2).

Принимая во внимание, что по крайней мере 10 из них являются многослойными, в настоящее время мы имеем здесь дело с остатками как минимум 60 поселений, около 40 из которых представляют собой культурные слои в первичном залегании, часто структурированные (т.е. с остатками жилых и бытовых конструкций *in situ*).

Локализация большого числа стоянок на узкой территории типична для горных областей с большим количеством пещер и гротов, но такой концентрации палеолитических памятников открытого типа больше нет нигде.

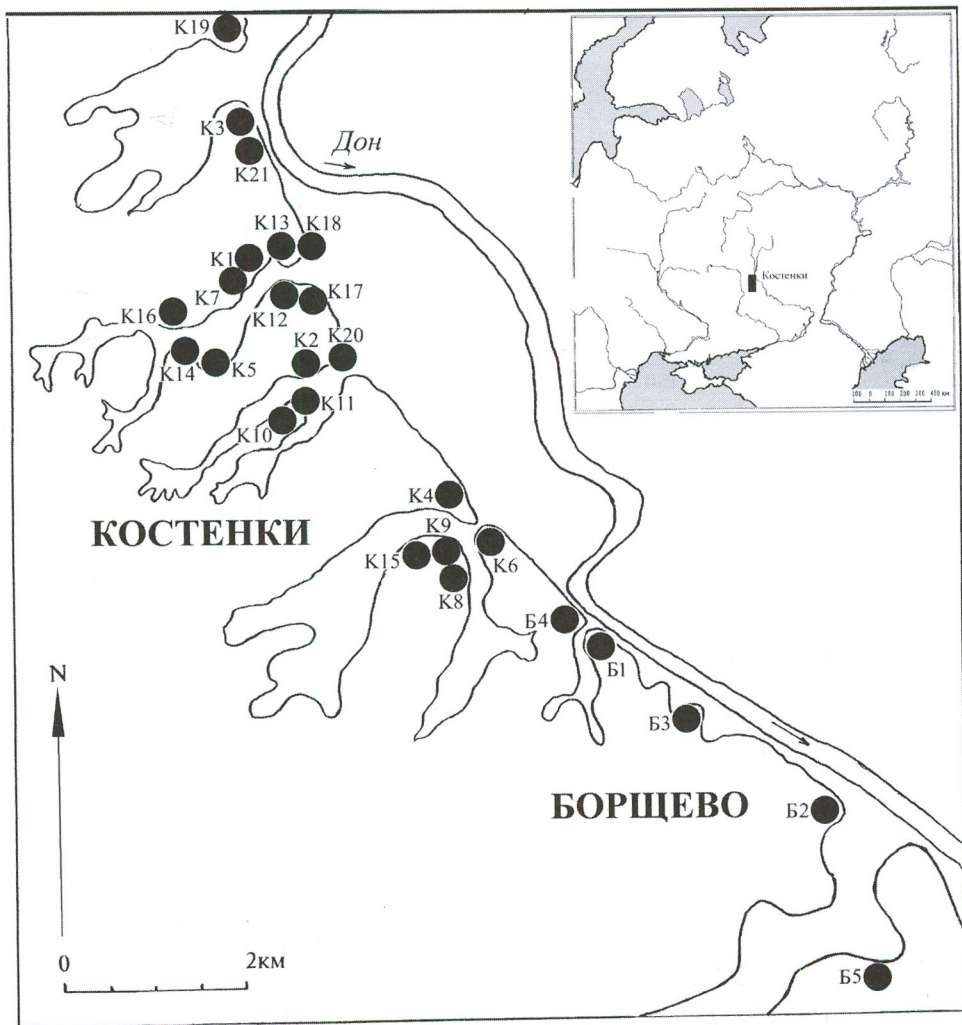

Рис. 2. Костёнковская группа палеолитических стоянок

Кроме необычно высокой концентрации стоянок и многослойности, остающихся без приемлемого объяснения, специфика памятников Костёнковской группы состоит:

- в широком хронологическом охвате: от 42 до 20 тыс. лет до н.д.;
- в полноте источника: кроме обычного кремневого инвентаря, здесь представлены костяной инвентарь и хорошо сохранившиеся фаунистические остатки; украшения и произведения искусства, включая фигуративное (антропоморфное и зооморфное), декоративное и орнаментальное искусство; антропологические остатки, включая намеренные погребения с выраженной погребальной обрядностью, причём различной; остатки жилых и бытовых конструкций, включая разнотипные жилые сооружения из костей мамонта;

- в чёткой стратиграфической позиции культурных слоев, как правило, разделённых стерильными прослойками;
- в наличии реперных горизонтов: вулканического пепла и магнитных экскурсов.

Принципиальное значение имеет то, что в исследовании Костёнок принимали участие практически все ведущие отечественные археологи-палеолитчики и геологи-четвертичники XX в. Все концепции эволюции и дифференциации верхнего палеолита Восточной Европы связаны с Костёнковскими материалами. К середине прошлого века это обусловило формирование российской социологической школы изучения доистории, одной из трёх основных школ археологии палеолита наряду с французской стратиграфической и английской экологической [12, р. 5].

История исследования

В середине 50-х гг. прошлого века костёнковские материалы явились основой для смены господствовавшей до этого стадийной модели концепцией археологических культур. А.Н.Рогачёвым [7] на основе раскопок многослойных стоянок была обоснована трёхчленная периодизация палеолита района по геологическим условиям залегания культурных слоёв: памятники в нижней гумусовой толще; памятники в верхней гумусовой толще; памятники в покровных суглинках [2].

Рис. 3. Положение основных культурных слоёв в разрезе. Костёнки 14 (Маркина гора)

В 70–80-е гг. на основании радиоуглеродных датировок и образцовых для того времени аналитических данных (палинологических, палеомагнитных, геохимических) для опорных многослойных памятников района [6] были определены временные рамки хронологических групп: I — 36–33 тыс. лет до н.д.; II — 32–27 тыс. лет до н.д.; III — 26–20 тыс. лет до н.д. [10] (рис. 3). Согласно этим представлениям, памятники времени максимума последнего оледенения в Костёнках не представлены, возможно — по причине отсутствия геологических отложений этого времени [5].

Состав хронологических групп определялся сосуществованием разных культурных традиций: I — стрелецкой и спицынской; II — стрелецкой, городцовой, ориньяка типа III культурного слоя Костёнок 1 и граветта типа II культурного слоя Костёнок 8; III — сложной совокупностью разных традиций граветтской и не-граветтской атрибуции [1, 18–20].

Современное состояние

Изменения представлений, сложившихся к концу прошлого века, связаны с раскопками нижних культурных слоёв опорных многослойных стоянок Костёнок (Костёнки 1, 12, 14 и открытая в 1999 г. стоянка Борщево 5) в первое десятилетие нынешнего столетия. Главным результатом этих работ явилось открытие древнейшего пласта верхнепалеолитических памятников Восточной Европы, напрямую связанных с первичным распространением человека современного физического облика (*Homo sapiens sapiens*).

Принципиальное значение среди этих памятников имеют нижние культурные слои Маркиной горы (Костёнки 14), поскольку только они дали многочисленные и выразительные коллекции археологического материала, представленные, вдобавок, практически всеми категориями источников: кремневым и костяным инвентарём, украшениями, фигуративным и орнаментальным искусством, антропологическими остатками. Археологический материал других стоянок, при всей важности их наличия как таковых, остаётся недиагностичным для культурной атрибуции.

Костёнки 14 (Маркина гора)

Начатый в 1998 г. при поддержке РГНФ новый этап исследования памятника привёл к открытию под вулканическим пеплом трёх культурных слоёв, относящихся к древней хронологической группе. Благодаря работам последующих 15 сезонов памятник из четырёхслойного [6–7, 16] стал девятислойным, при наличии трёх палеонтологических слоёв, представленных фаунистическим материалом, пока без археологического сопровожде-

ния [8, 9]. Кроме того, в 2000 г. впервые в Костёнках был обнаружен новый культурный слой в отложениях вулканического пепла.

Культурный слой в вулканическом пепле

Наличие вулканического пепла в Костёнках связано с уникальным природным явлением — выпадением огромной массы вулканического стекла — тефры — на территории, далеко отстоящей от зон вулканической активности. Его значение для археологии состоит в том, что он является следствием единоразового, практически моментального события, служащего уникальным основанием корреляции геологических и культурных отложений тех разрезов, где этот пепел фиксируется. На основе аналитических исследований, проведённых в начале 1980-х гг., происхождение Костёнковского пепла было связано с извержением Кампинийских игнимбритов вулканической системы Флегрейских полей в Южной Италии [4], возраст которого определяется рамками 39,3—40,0 тыс. лет до н.д. [14].

Значение горизонта вулканического пепла в Костёнках было оценено сразу после его определения как такового в начале 50-х гг. прошлого века. Он был признан маркирующим горизонтом, разделяющим отложения верхней и нижней гумусовой толщи и, соответственно, культурные слои первой (древней) и второй (средней) хронологических групп Костёнковской периодизационной модели.

Только на Маркиной горе с отложениями вулканического пепла был связан культурный слой, что означает, что его обитатели были реальными свидетелями катастрофического события, по масштабу сопоставимого с аналогичным, приведшим к гибели римских городов Помпеи, Гекуланума и Стабии в 79 г. [17].

Места обитания человека, подвергшиеся воздействию катастрофических событий, имеют для археологии особое значение. Поселения, уничтоженные пожарами, перекрытые селевыми потоками или отложениями паводков, как правило, дают более богатый археологический материал, чем поселения, оставленные людьми в спокойной обстановке.

Именно такая ситуация имела место при раскопках культурного слоя, связанного с горизонтом вулканического пепла на Костёнках 14. Кроме обычного в таких случаях состава находок: кремневых орудий, отходов производства, костяных изделий, кухонных отбросов, здесь была найдена разнообразная серия украшений, как правило, редко встречающихся среди обычных следов жизнедеятельности поселения. Вдобавок, представлены они четырьмя разновидностями: пронизками из трубчатых костей песка, раковинами с искусственно пробитым отверстием; единичной подвеской из клыка песка, уникальной подвеской из иглы морского ежа (рис. 4). Только

небольшая часть из них сломана, т.е. к использованию не пригодна. Остальные, несмотря на наличие обычных заломов на концах, к использованию вполне пригодны. Характерная заполировка краёв и поверхности от постоянного трения со шнурком, телом и одеждой свидетельствует о достаточно длительном употреблении большинства из них.

Рис. 4. Костёнки 14 (Маркина гора). Ориньяк. Украшения культурного слоя в вулканическом пепле. 14С: 35 тыс. (cal ~40 тыс.)

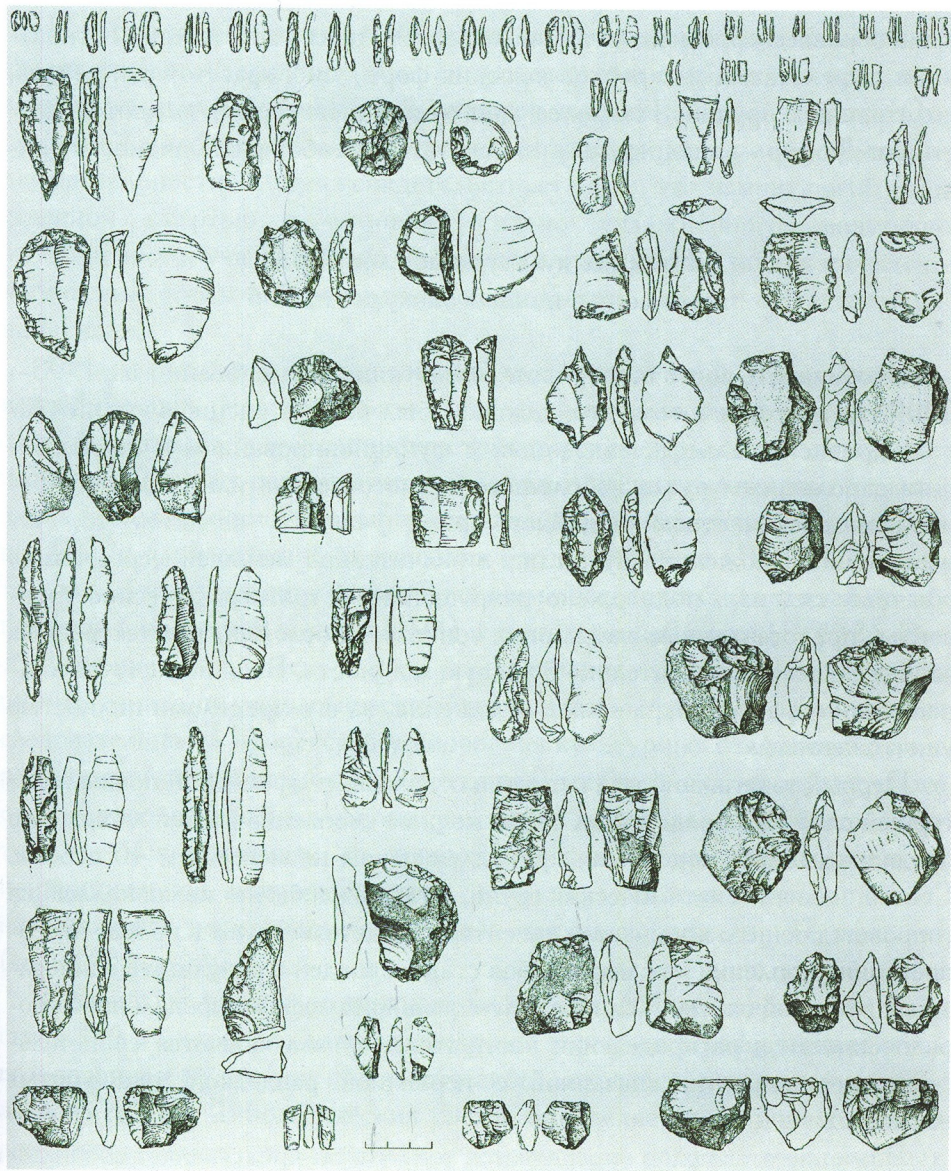

Рис. 5. Костёнки 14 (Маркина гора). Ориньяк. Кремневый инвентарь культурного слоя в вулканическом пепле. 14С: 35 тыс. (cal ~40 тыс.)

Кремневый инвентарь слоя предельно выразителен (рис. 5). По технико-типологическим показателям он относится к ориньяку — культурной традиции, связанной с человеком современного типа. Первичное расщепление представлено нуклеусами призматического одностороннего параллельного скалывания. Типологический облик коллекции определяется

разнообразием скребков, в том числе веерообразных с заострённым основанием, стрелчатых и скребков высоких форм, многофасеточных резцов, долотовидных орудий. Наиболее многочисленной серией являются пластинки Дюфур — специфический показатель особой разновидности ориньяка.

Нижние культурные слои: IVa, горизонт в почве с экскурсом, IVб

Особенность восточного участка памятника, исследованного в 1998–2009 гг., состояла в том, что раскопом был вскрыт специфический участок древнего рельефа, связанный с функционированием и последующим заполнением русла небольшого водного потока или овражка. Основным достоинством подобного рода участков является то, что накопление отложений внутри них в значительно меньшей мере, чем на обычных склонах, подвержено разрушению. Стратиграфические горизонты, представленные на склонах тонкими прослоями, в естественных западинах имеют значительно большую мощность. В данном случае в заполнении овражка сохранились отложения, за его пределами полностью уничтоженные.

Первый залегающий под пеплом в отложениях эфемерной почвы культурный слой IVa представлял собой мощное скопление костей лошади, по предварительным подсчётам, принадлежавшим не менее чем 40 особям. Состав, наличие анатомических групп, а также необычно малая коллекция сопровождающего кремневого инвентаря свидетельствуют в пользу интерпретации скопления как места забоя стада лошадей в результате единоразовой загонной охоты. Наличие пятен очажной массы и определённой упорядоченности в распределении костного материала являются свидетельством деятельности, связанной с первичной разделкой туш убитых животных.

Значение этого слоя определяется тем, что он представляет собой достаточно редкий тип археологических памятников, наиболее ярким примером которого является Амвросиевское костяное жилище охотников на бизонов и знаменитая скала Солютре, также связанные с местом проведения загонной охоты.

Значение следующего культурного слоя, также связанного с почвенным горизонтом, определяется тем, что в нижней части вмещающей его почвы было зафиксировано наличие палеомагнитной флуктуации, сопоставимой с экскурсом Лашамп-Каргополово, возраст которого определяется на уровне 41 тыс. лет.

Ниже слоя, в слоистых отложениях заполнения овражка был найден скелет мамонта с нарушенными анатомическими связями, но представленный полным набором костей, включая череп и нижнюю челюсть. Отсутствие на уровне костей культурных остатков и каких-либо иных следов деятельности человека свидетельствует о том, что мамонт погиб естественной смертью в условиях сильно увлажнённого, возможно заболоченного, участка. Слой не является культурным, но как палеонтологический объект представляет определённый момент существования памятника.

Самым важным является нижний культурный слой, IVб, локализованный на двух берегах ручья и разделяющего их овражка. Культурный слой представлял собой сложную структуру культурных напластований, которые связаны с разными типами литологических отложений, отражающих этапы функционирования и последовательного разрушения стоянки. *In situ* слой сохранился на обоих бортах овражка (IVб/1). Значительная часть находок в переотложенном состоянии была связана с заполнением овражной выемки (IVб) и его придонной части (IVб/2). Это обозначение сложилось в ходе исследования как результат фиксации материала по литологическим горизонтам и отражает реальную последовательность процесса формирования культурных отложений в ходе разрушения и перемещения культурных остатков одного культурного слоя. Археологический материал всех трёх подразделов нижнего культурного слоя идентичен до деталей. Косвенным подтверждением их принципиальной одновременности и принадлежности одному поселению является серия радиоуглеродных дат на уровне 36–37 тыс. лет (cal. ~42 тыс.) [21].

Кремневый инвентарь нижнего слоя (рис. 6) характеризуется пластинчатой и микропластинчатой техникой первичного расщепления с использованием нуклеусов призматического, плоского, торцового и радиального снятия. Типологический состав определяется наличием широко распространённых разновидностей скребков и резцов, долотовидных орудий в сочетании с двусторонне обработанными изделиями овальной и подтреугольной формы и рубящими орудиями на отщепах. Единичными предметами представлены ориньякские формы резцов: типа Вашон и бюске. Коллекция оригинальная; прямых аналогий ни среди костёнковских памятников, ни среди близких по возрасту памятников Восточной Европы не имеющая.

Её специфика подчёркивается своеобразным костяным инвентарём (рис. 6), включающим «мотыжки» оригинального облика из кости, рога и бивня мамонта, ложила, острия, бивни мамонта с признаками расщепле-

ния и обработки, орнаментированный стержень из бивня мамонта, ребро с искусственно прорезанным продольным пазом.

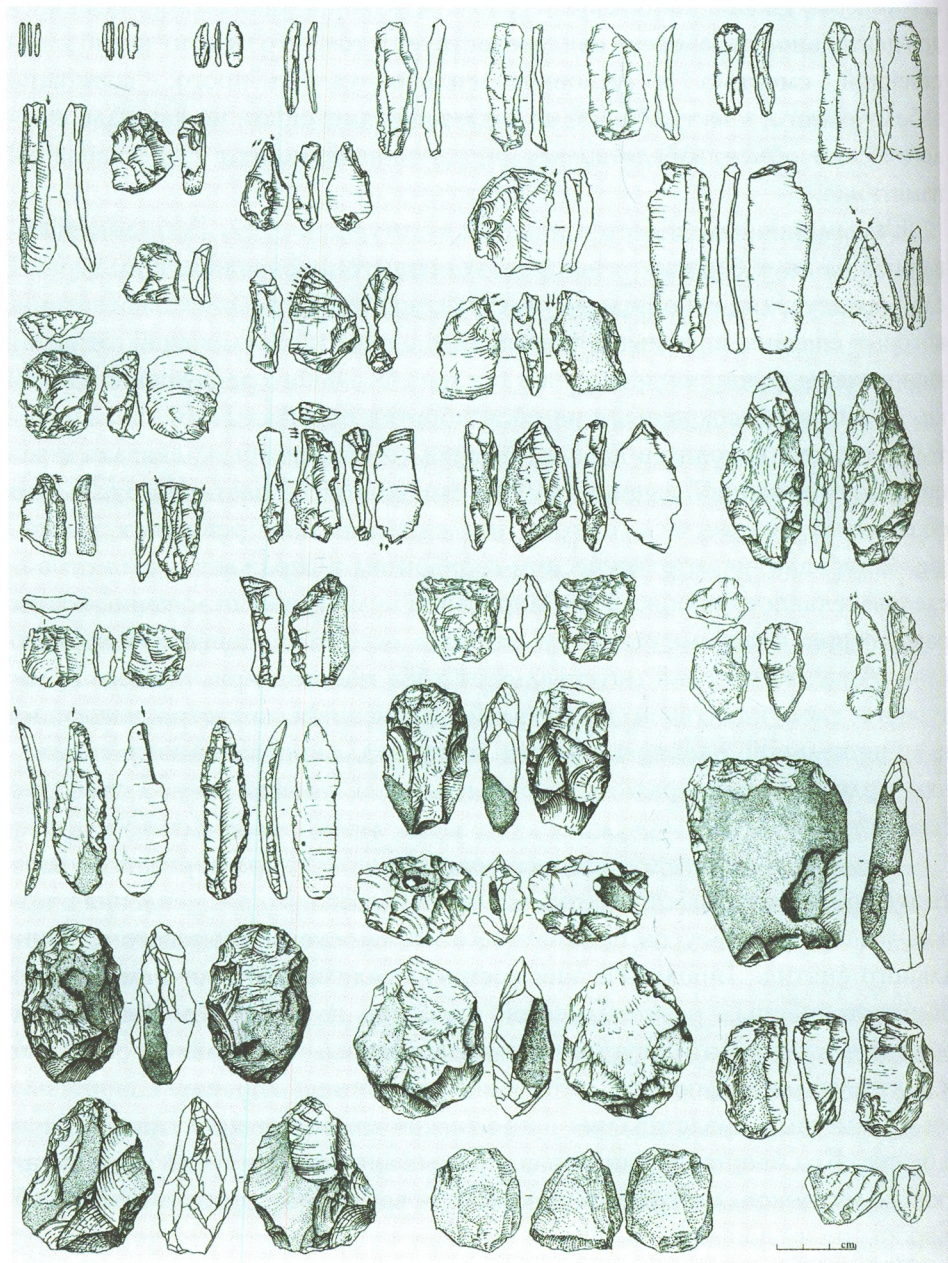

Рис. 6. Костёнки 14 (Маркина гора). Начальный верхний палеолит. Кремневый инвентарь культурного слоя IVб, 14С: 36–37 тыс. (cal ~42 тыс.)

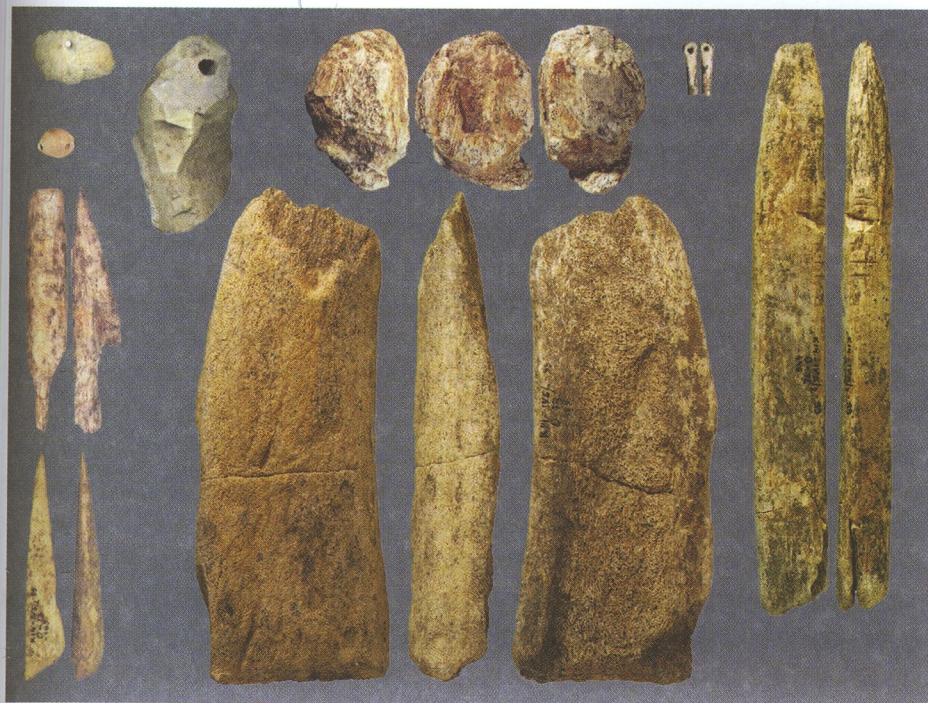

Рис. 7. Костёнки 14 (Маркина гора). Начальный верхний палеолит. Костяной инвентарь, украшения и искусство культурного слоя IVб. 14С: 36–37 тыс. (cal ~42 тыс.)

К находкам исключительного значения относятся голова антропоморфной статуэтки из бивня мамонта, сломанная в процессе изготовления, подвеска из метаподия песка с биконическим отверстием и подвеска (бусина) с двумя искусственными отверстиями из раковины *Arcularia gibbosula* (опр. П.В.Кияшко, ЗИН РАН). Ареал распространения этого вымершего в плейстоцене моллюска связывается с бассейном Средиземного и Чёрного морей, что является важным свидетельством направления культурных связей и, возможно, происхождения населения, использовавшего эти раковины в качестве нательных украшений. Об антропологическом типе населения свидетельствует коронка зуба 10-летнего ребенка современного физического облика (*Homo sapiens sapiens*) [3, с. 398–399].

Археологический материал слоя — как кремневый, так и костяной — составляет своеобразную и специфическую коллекцию, не имеющую прямых аналогий в палеолите Восточной Европы. Необычный типологический набор кремневой индустрии в сочетании с необычным костяным инвентарем позволяет говорить о возможности выделения ранее неизвестной культурной традиции, вдобавок — на самом раннем этапе верхнего палеолита [8–9, 18, 20]. На основании технико-типологических характеристик,

отличных как от ориньякских, так и от «переходных» комплексов, а также наиболее древних дат для верхнего палеолита своих регионов, они с полным основанием могут быть выделены не только в структурную, но и в периодизационную единицу — начального верхнего палеолита.

Заключение

1. На настоящий момент внутри Костёнковской группы представлены древнейший, начальный этап формирования верхнепалеолитического технокомплекса и самые ранние свидетельства распространения человека современного анатомического облика (зубы из K17 (II) и K14 (IVб)).

2. Материальная культура древнейших верхнепалеолитических стоянок не имеет «архаических» признаков, позволяющих связать их с предшествующей эпохой среднего палеолита.

3. О неместном, скорее всего южном, их происхождении свидетельствует ряд элементов материальной культуры, особое место среди которых занимает подвеска-украшение из раковины средиземноморского моллюска, указывающая на связи, а возможно, и происхождение древнего населения.

4. Верхнепалеолитический облик материальной культуры, отсутствие предшественников в среднем палеолите Восточной Европы позволяют связать её появление с «разведочной» волной распространения населения, носителей верхнепалеолитических традиций, отделённых от основной волны мигрантов — носителей ориньякской культуры, возможно, достаточно продолжительным временным промежутком.

Главное значение новых открытий в Костёнках определяется тем, что они значительно расширили и углубили проблематику раннего верхнего палеолита не только Восточной Европы, но и более широкой Евразийской ойкумены.

Литература

1. Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костёнковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы // Труды Костёнковско-Борщевской археологической экспедиции. Нестор-История. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2008.
2. Величко А.А., Рогачёв А.Н. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР (к VIII Конгрессу INQUA, Париж, 1969) / Ред. И.П.Герасимов. М., 1969. С. 75–87.

3. Зубов А.А. Палеонтологическая родословная человека. М., 2004.
4. Мелекесцев И.В., Кирьянов В.Ю., Праслов Н.Д. Катастрофическое извержение в районе Флегрейских полей (Италия) — возможный источник вулканического пепла в позднеплейстоценовых отложениях Европейской части СССР // Вулканология и сейсмология. 1984. № 3. С. 35—44.
5. Праслов Н.Д. Костёнковская модель развития верхнего палеолита // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы: Тезисы докладов международной конференции, посвящённой 120-летию открытия палеолита в Костёнках / Ред. М.В.Аникович, Н.Д.Праслов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 49—51.
6. Праслов Н.Д., Рогачёв А.Н. (ред.). Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону. 1979—1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
7. Рогачёв А.Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 59. М.; Л., 1957. С. 9—134.
8. Синицын А.А. Проблемы древнейшего этапа верхнего палеолита Восточной Европы (по материалам раскопок стоянки Костёнки 14, Маркина гора, 1998—1999 гг.) // Вестник РГНФ. 2000. № 1. С. 196—206.
9. Синицын А.А. Новые открытия в Костёнках и проблема становления верхнего палеолита в Восточной Европе // Археологические открытия. 1991—2004 гг. Европейская Россия / Ред. Н.А.Макаров. М., 2009. С. 42—53.
10. Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы / Ред. А.А.Синицын, Н.Д.Праслов. СПб., 1997. С. 21—66.
11. Bar-Yosef O. The dispersal of Modern Humans in Eurasia: a cultural interpretation // Rethinking the human revolution: new behavioral and biological perspectives on the origin and dispersal of modern humans / Eds. P.Mellars, K.Boyle, O.Bar-Yosef, Ch.Stringer. Cambridge, 2007. P. 207—217.
12. Bordes F. Le Paléolithique dans le monde. Paris, 1968.
13. Higham T., Douka K., Wood R., Bronk Ramsey Ch., Bronk F. et al., 2014. The timing and spatiotemporal patterning of Neanderthal disappearance // Nature. Vol. 512. P. 306—309 (doi:10.1038/nature13621).
14. Oppenheimer C. Eruptions that shook the World. Cambridge, 2011.
15. Richter J., Hauck T., Vogelsang R., Widlok T., Le Tensorer J-M., Schmid P. «Contextual areas» of early Homo sapiens and their significance for human dispersal from Africa into Eurasia between 200 ka and 70 ka // Quaternary International. 2012. Vol. 274. P. 5—24.
16. Sinitsyn A.A. Kostenki 14 (Markina gora): data, problems, and perspectives // Préhistoire Européenne, 1996. Vol. 9. Liège. P. 273—313.

17. Sinitsyn A.A. A Palaeolithic 'Pompeii' at Kostenki, Russia // *Antiquity*. 2003. Vol. 77. № 295. P. 9–14.
18. Sinitsyn A.A. The Early Upper Palaeolithic of Kostenki: chronology, taxonomy, and cultural affiliation // *New aspects of the Central and Eastern European Upper Palaeolithic — methods, chronology, technology and subsistence* / Eds. Ch. Neugebauer-Maresch, L.R.Owen. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission. Band 72. Wien, 2010. P. 27–48.
19. Sinitsyn A.A. Figurative and decorative art of Kostenki: chronological and cultural differentiation // CLOTTES J. (dir.), *L'art pléistocène dans le monde / Pleistocene art of the world / Arte pleistoceno en el mundo*, Actes du Congrès IFRAO, Tarascon-sur-Ariège, Septembre 2010, Symposium «Art mobilier pléistocène». N° spécial de Préhistoire, Art et Sociétés, Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées, LXV–LXVI, 2010–2011, CD: P. 1339–1359.
20. Sinitsyn A.A. L'Europe orientale // *Néandertal/Cro-Magnon. La rencontre* (dir. M.Otte). Errance. Arles, 2014. P. 189–220.
21. Sinitsyn A.A., Hoffecker J.F. Radiocarbon dating and chronology of the Early Upper Paleolithic at Kostenki // *Loess and palaeoenvironments across Eurasia: dedicated to the memory of Márton Pécsi* / Eds. A.A. Velichko, A.E. Dodonov, N.R. Cato // *Quaternary International*. 2006. Vol. 151–152. P. 164–174.